

Чу Лянь долгое время размышляла над тем, каких именно чистых душой людей ищет Е Лицин. В чем должна заключаться эта чистота — в намерениях или в характере?

Всегда найдутся те, кто жаждет увидеть мертвых. Родители, потерявшие ребенка, хотят взглянуть на него еще раз; молодые люди, лишившиеся возлюбленных, готовы последовать за ними в могилу; старики, оставшиеся в одиночестве, лелеют свои невыполненные желания. Разве стремление увидеть умерших, продиктованное любовью и тоской, недостаточно чисто?

Хотя старый хрыч, вероятнее всего, хотел увидеть отца лишь ради того, чтобы вывести пароли от счетов, местонахождение лицензий и печатей компании, он наверняка хотел и просто поговорить с ним в последний раз.

Е Лицин гнала машину по шоссе. Чу Лянь внезапно что-то осознала, и ее пробрал озноб, волосы на руках встали дыбом. Она притворилась спокойной и искоса взглянула на Е Лицин. К счастью, та была сосредоточена на дороге и не заметила странного поведения пассажирки.

Хорошая привычка — следить за дорогой, а не за тем, кто сидит рядом.

Гу Чэн предупреждала ее, что соприкосновение с миром мертвых несет несчастья — такие же, какие постигли старого хрыча. Но ведь в тот раз, когда старый хрыч встречался с отцом, Чу Лянь тоже была там.

Неужели Е Лицин хочет проверить, как долго продлится удача Чу Лянь на этот раз? Нет, Гу Чэн тоже была свидетелем. Возможно, Гу Чэн и Е Лицин — одного поля ягоды, и первой не страшны подобные проклятия, но Е Лицин определенно втянула в это Чу Лянь.

Чу Лянь прищурилась, глядя на лобовое стекло. Солнечный свет нещадно заливал салон. Она прикрыла лоб ладонью, и лучи, пробивающиеся сквозь пальцы, казались упорным, бесконечным потоком.

— Сестрица Е, — внезапно произнесла Чу Лянь.

— М-м? — Е Лицин продолжала бороться с рычагом переключения передач.

Впереди двигался тяжелый бензовоз, от гула которого дрожала вся дорога. Если Е Лицин сейчас вдавит педаль газа в пол и врежется в него... Чу Лянь настигнет то самое несчастье, которое должно было ее ждать. Их Сантана влетит под цистерну, бак, возможно, взорвется, и ее смерть будет куда страшнее, чем у старого хрыча.

Чу Лянь подалась вперед. Е Лицин немного подвинулась, уступая ей место. Гу Чэн уставилась на Чу Лянь так, будто та была динозавром, ворвавшимся в школьную библиотеку. Впрочем, сравнение с динозавром было неудачным.

Чу Лянь вспомнила, как Линь Юйлин со слезами на глазах кричала: Ты любишь меня или нет? Теперь она до некоторой степени могла понять чувства Линь Юйлин... А затем Е Лицин ловко вывернула руль и обогнала бензовоз.

Мысли о тюнингованной машине на время отвлекли Чу Лянь. В конце концов, думать о ревущем выхлопе было куда легче, чем размышлять о том, к какому множеству она принадлежит в сердце Е Лицин.

— Пошла вон! — бросила Е Лицин, словно это было новое прозвище Гу Чэн.

Когда они вернулись, Гу Чэн сидела в гостиной Е Лицин, копаясь в ноутбуке.

— Я уже не ребенок. Но не знаю, может, тебе больше нравится, когда я маленькая, — сказала Чу Лянь. Ей захотелось подпрыгнуть и дать себе пощечину. Ей следовало бы с уверенностью заявить: Я уже взрослая женщина, хватит водить меня за нос!, но при виде Е Лицин она лишь тихо пробормотала: Я уже не ребенок.

— Думаю, это именно тот человек, которого ты искала, — Гу Чэн откинулась на спинку стула.

Незаконный тюнинг.

У Чу Лянь больше не было вопросов.

— Этот человек выглядит как душевнобольной или страдающий от психического расстройства, — спустя несколько минут заключила Е Лицин.

Е Лицин бросила на нее взгляд — или, возможно, посмотрела в зеркало заднего вида.

*

Линь Чжэньхуэй, 19 лет, безработная. Отец — местный торговый агент по импорту и экспорту товаров из Японии, семья весьма состоятельная. По словам родственников, Линь Чжэньхуэй отличается эмоциональной нестабильностью и ленью. В средней школе она решила, что учиться слишком утомительно, успеваемость была ужасной, и она бросила учебу. С тех пор целыми днями лежала дома, смотрела телевизор или играла в компьютерные игры, не общалась с людьми и не искала работу. Из-за недостатка в семье родители два года закрывали на это глаза. Поняв, что дочь стала совсем ленивой, они попытались заставить ее продолжить образование или устроиться на работу, но безуспешно. Тогда они решили, что замужество пойдет ей на пользу. Отец Линь Чжэньхуэй договорился о браке с сотрудником своей компании.

Е Лицин быстро подошла к ней, и они с Гу Чэн, склонившись над экраном, принялись внимательно изучать данные.

— Я люблю тебя. Ты — мой самый любимый ребенок, и теперь, когда ты выросла, ты все еще мой самый любимый ребенок. Если тебе не нравится, когда я называю тебя ребенком, я могу называть тебя как-нибудь иначе, — добавила она.

Чу Лянь уже было лень удивляться тому, почему Гу Чэн здесь. Казалось, появление Гу Чэн в любой точке мира было чем-то само собой разумеющимся. Вот только в этой гостиной, обставленной в духе советской эпохи, программистка Гу Чэн со своим инопланетным ноутбуком выглядела совершенно чужеродно.

— Я знаю, — ответила она.

— Эй, вы вернулись, — Гу Чэн сняла очки и пронзительно посмотрела на Чу Лянь, словно проверяя, не стащила ли та у нее двести юаней, хотя, судя по ее ноутбуку, в деньгах она явно не нуждалась. — Вернулись так рано, по дороге ничем не занимались?

— Большая Листочка, иди посмотри на этого человека, — Гу Чэн указала на экран. — Мне кажется, она подходит под твои требования.

На мониторе был открыт документ, составленный Гу Чэн, с основной информацией о девушке по имени Линь Чжэньхуэй.

Когда Е Лицин легко обогнала Тойоту Прадо, Чу Лянь почувствовала неладное. Эта развалюха Сантана, скорее всего, была серьезно доработана.

Муж Линь Чжэньхуэй жил в соседнем уезде, семья была небогатой. Через несколько месяцев после свадьбы у Линь Чжэньхуэй появились признаки беременности. Однако на третьем месяце обследование показало отсутствие сердцебиения у плода. Врачи диагностировали замершую беременность, после чего была проведена операция по прерыванию.

После операции у Линь Чжэньхуэй начались психические расстройства: она разговаривала сама с собой, отказывалась общаться с окружающими, постоянно обнимала подушку, веря, что это ее ребенок. Когда кто-то пытался вмешаться, она начинала крушить вещи, кричать или причинять себе вред.

*

— Ей всего девятнадцать, она еще не достигла брачного возраста. Выходит, когда она вышла замуж, она была еще несовершеннолетней, — вздохнула Чу Лянь.

— Спасибо тебе, юная ученица, мы бы сами ни за что не заметили такой важной детали, — холодно отозвалась Гу Чэн.

Е Лицин спросила: Заказчики — ее родители или муж?

Гу Чэн пожала плечами: Муж. Парень говорит, что уже на грани безумия, его мучают кошмары, в которых окровавленный младенец зовет его папой. Он думает, что если жена увидит ребенка, ей станет легче.

Чу Лянь сразу подумала, что этот парень — сущий негодяй. Даже если его жена увидит то, что осталось от ребенка, это будет лишь кусок плоти, и ей станет только хуже. Скорее всего, он просто хочет довести жену до безумия, чтобы сдать ее в психиатрическую лечебницу.

Впрочем, суть проблемы была не в этом. Суть заключалась в другом:

Е Лицин слегка нахмурилась: Когда произошел выкидыш, плоду было три месяца, он почти не сформировался. Разве можно считать это мертвецом?

В этом-то и вопрос.

— Можно попробовать, — Гу Чэн захлопнула крышку ноутбука и втиснулась между Е Лицин и столом. — Чем связываться с сотней противных старых хрычей, лучше попробовать с этой Линь Чжэньхуэй.

Внезапно Чу Лянь осознала, что Линь Чжэньхуэй тоже носит фамилию Линь. Черт возьми, почему опять Линь?

— На какое время назначено? — спросила Е Лицин.

Гу Чэн ответила: Я еще не договаривалась с заказчиком. Большая Листочка, время определяй сама, я к твоим услугам в любое время.

— Как насчет послезавтра после обеда? — пробормотала Е Лицин, а затем повернулась к Чу Лянь: — У тебя есть время послезавтра после обеда?

Чу Лянь подумала о своем расписании, пустом, как ее голова: А, нет, у меня экзамен по английскому... Может, вы сами справитесь, а я...

— Тогда перенесем на выходные, — сказала Е Лицин тоном властного генерального директора. Затем она отодвинула стул, встала и ушла на кухню.

Гу Чэн посмотрела ей вслед и неохотно процедила сквозь зубы: Слушаюсь, Босс.

Она бросила на Чу Лянь взгляд, и та поняла, что глаза Гу Чэн умеют говорить, ведь в них было написано четыре слова: Тебе конец.

Гу Чэн, казалось, питала к Чу Лянь едва уловимую неприязнь, скрытую за ее открытой, по-американски широкой улыбкой и манерой общения. Возможно, причиной была симпатия Е Лицин.

Чу Лянь — самый любимый ребенок Е Лицин.

А будет ли Гу Чэн самым любимым коллегой?

Как Е Лицин выстраивает диаграмму Венна между множествами ребенок и коллега?

Экзамен по английскому наступил, и Чу Лянь пошла сдавать его. Первая часть — аудирование, нужно было использовать специальные наушники. Сигнал постоянно прерывался, и Чу Лянь чувствовала себя так, будто сдает экзамен на рок-концерте. Когда из наушников наконец донеслось: Аудирование окончено, пожалуйста, приступайте к другим заданиям, она уже собралась их снять, как вдруг снова раздалось шипение.

Холодный, монотонный, почти роботизированный голос произнес:

— После того как ты наведешь беспорядок, мы встретимся снова.

— Однажды.

Голос, словно острый меч, пронзил сердце Чу Лянь.

Ей показалось, что он скажет что-то еще, может быть, даже произнесет речь в стиле У меня есть мечта, но в наушниках воцарилась тишина, словно мир перестал существовать.

Чу Лянь резко сорвала наушники и тяжело задышала. Она, видимо, слишком долго сидела неподвижно. Экзаменатор спустилась с кафедры, подошла к ней и заботливо прошептала: Студентка, вы плохо себя чувствуете?

Чу Лянь подняла голову. Зрение затуманилось, лицо преподавателя казалось лишь белым светящимся пятном в темноте. Она выдавила улыбку.

— Учитель, со мной все в порядке.

Нет, откуда бы ни исходил этот странный голос — или была ли это просто галлюцинация — Чу Лянь должна быть благодарна ему за то, что он появился лишь после завершения записи аудирования.

Иначе она бы точно завалила английский.

<http://bllate.org/book/21516/2207295>